

Леонид Лейдерман

Незабудка

Я как-то подумал, что до восьмидесяти пяти не стоит торопить время. Нужно жить в обычном, уже сложившемся режиме. Он, этот режим, конечно, может быть и торопливым. Тогда пусть таким и остается. Но вот после восьмидесяти пяти... Я бы советовал все же это время поторопить.

Дело совсем не в том, что поставлена какая-то задача, и может не хватить времени, чтобы ее решить. Если и есть такие задачи, то они скорее иллюзорны. Потому что реальные задачи – это, по сути, вся наша уже состоявшаяся жизнь. Ведь всю жизнь мы что, собственно, делаем? Мы, как настоящие земледельцы, только тем и занимаемся, что посевом и жатвой, посевом и жатвой. Каждый день. Всю жизнь. Вот это и есть наше занятие и наш результат. Но что мы постоянно оставляем на потом, так это наши мысли о том, как мы живем. И вот с этим, я считаю, следует поторопить время. Потому что мысли о жизни, конечно, уже вошли в каждый наш текущий результат, но не всегда очевидны для стороннего взгляда. А не выразишь мысль или не запишешь – и пропадет она без всякой пользы. И не подтвердится в одном, и не вызовет несогласия в ком-то другом. Просто пропадет. Так что, я считаю, если сочинился, к примеру, анекдот, способный вызвать улыбку, то расскажи его. А если некому рассказать, то запиши и оставь как наследство.

Только что разговаривал по скайпу с Женей, сестрой моего давнего товарища. Но отключился свет вместе с Интернетом, и мы не успели попрощаться. Война. Одесские электросети сильно пострадали от ракетных атак, и электричество отключают не только по графику, но и для неожиданных ремонтов.

Брат Жени покинул этот мир, а недавно ушел вслед за ним и муж Жени. Это удел старших поколений – круг сужается, увы. Но в привычную жизнь вошло прямо-таки волшебное слово «скайп», волшебное для старшего поколения новое средство связи, и оно, это средство, скрашивает жизнь Жени. Жизнь, которая начиналась тоже в войну, но совсем в другую, в войну лихих сороковых прошлого века. В судьбах детей той войны много общего. Но судьбы не повторяются, а если и повторяются, то не в деталях, из которых и соткана судьба.

Постановление о раздельном обучении мальчиков и девочек в советских школах было принято еще в сорок третьем году, и в Одессе оно входило в силу уже после войны, да и то только в центре города. А в пятьдесят четвертом, уже после смерти Сталина, это постановление отменили, как и многие другие. К тому времени Женя, которая жила в центре, перешла в пятый класс женской школы, а теперь попала вместе со своими подружками под опять объединение. Так что они будут учиться с мальчиками – кто в своей школе, а кого переведут в другую. На этот счет было много разговоров – и в школе, и дома, были страхи, волнения: как все будет? А у девочек были, наверное, и некоторые романтические представления – пятый класс не первый. Хотя и первый – тоже не без своей, первоклассной романтики. Но Жене этот год запомнился отнюдь не романтикой.

Пятый класс (не знаю, как сейчас) в те годы был переломным. Оставалась позади начальная школа с одной учительницей на все предметы. Впереди – неполная средняя, после которой можно даже профессию выбирать, в училище идти или в техникум. Все теперь по-взрослому будет. И новые учителя, и новые девочки из других школ, и – мальчики в придачу. Как это?

Ничего страшного. Все как-то устроилось, наладилось, завертелось – потихоньку втянулись в другую жизнь. Но вот подошла к Жене новая девочка, рослая и как будто взрослая, и спросила:

- Ты что – еврейка?
- Да, а что?
- Да нет, ничего. Просто будем знать.

А через некоторое время незнакомые мальчишки однажды после уроков преградили ей дорогу со словами «еврейка, еврейка». Слова были не совсем эти, слова были бранные, она их уже слышала и знала, что еврейкой, если поверить, быть стыдно. И выставив перед собой портфель, и крикнув: «Дураки!» – она ринулась в просвет между двумя из них и побежала прочь. Просвет оказался спасительным: пока противник разворачивался для погони, она уже отбежала на какое-то расстояние, и за ней не погнались. А может, погнались и отстали. Этого она не знает: бежала без оглядки.

А она еврейка?

Тетя Юля, что живет на первом этаже в правом флигеле, ей как-то сказала:

– Зачем тебе быть еврейкой? У тебя же папа русский.

На что Женя ей ничего не ответила. Потому что не знала, что говорить. А когда рассказала брату, то услышала:

– Ты не можешь, ты незаконнорожденная.

Брат был старше Жени и, кроме того, был законнорожденным. И папа у него был еврей. Но папы не было ни у Жени, ни у брата, потому что папа брата погиб в Финскую кампанию, про которую мало кто знает. Кампания – это война, а на войне убивают. Так что брат Жени стал сиротой, а его мама – вдовой. И это все было до Жени.

А потом была другая война, про которую знают все, – Великая Отечественная. Во время этой войны Женя и родилась. Родилась летом сорок второго года. А война началась летом сорок первого. Это Женя знала. Только не знала она, кто ее папа и куда он девался. И пока она была маленькая, такие вопросы у нее не возникали, а когда возникли, то вот – незаконнорожденная.

Не знаю, когда Женя в первый раз увидела свидетельство о своем рождении. Там было указано, что папа у нее тот же, что и у ее брата (так он же погиб!), а вот отчество у нее, как у мамы имя – Александровна, и фамилия не как у брата, а по маминой девичьей. Конечно, мама могла бы ей объяснить, что все это значило, только Женя у нее не спрашивала, а сама мама, видимо, откладывала объяснения на потом. А это «потом» так и не наступило.

А что мама могла ей сказать? Что она, бывшая жена погибшего военного, полюбила другого мужчину, невоенного? И что любовь

эта была взаимной? И что она могла бы выйти замуж второй раз, но у невоенного этого была уже семья, и не мог он вот так просто уйти от своей семьи. А может, что и никогда не мог бы уйти от своей семьи – не простое ведь это дело, правда же. А тут война... И невоенная их любовь сразу стала военной.

А ведь война – это еще одна стихия. Она подчиняет себе всех и вся. Она ставит людей перед выбором – или устоять, или сломаться. Устоять? Тогда соберись, найди в себе силы и выходи на борьбу. Как это в песне? «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней...» В войну удесятеряется угроза жизни, а с ней удесятерятся и страх, и смелость. Я думаю, что вот так удесятеряется и любовь тоже. Потому что ускоряется время. Время принятия решений ускоряется. Сейчас – или, быть может, уже никогда...

Пришел день, когда возлюбленный Жениной мамы получил повестку в военкомат, из невоенного стал военным и ушел на сборный пункт. Пришел день, и ремесленное училище, где она сама работала мастером производственного обучения, стало собираться в эвакуацию – новое тогда слово. Она уже знала, что забеременела, не выйдя при этом замуж второй раз. Единственный человек, с кем она могла поделиться новостью, была ее мать.

Из Одессы училище было вывезено на Волгу, в город Куйбышев, в район Безымянки. Здесь, когда пришло время, Женя и родилась. В роддоме на Безымянке от безымянного отца.

Могла, заметим, и не родиться. Взрослые люди (а мама Жени и мама мамы были, конечно, взрослые люди) хорошо знают, что не всякая беременность завершается благополучными родами. Но вот – родилась. Здоровенькой. Правда, с отметинкой – мизинчик на левой ручке чуть-чуть в сторону смотрит. На войне как на войне, где-то след останется.

И прожила Женя жизнь, не зная подлинного своего отчества. И не зная национальной принадлежности своего отца. А тетя Юля с первого этажа – знала. «Зачем тебе быть еврейкой? У тебя же папа русский». Тетя Юля сама была русская, муж ее был еврей, а дети их – зачем им быть евреями? – были, как их мама, русскими. Но запомнила это все Женя на всю жизнь, и слова брата – что она незаконнорожденная, и что в жилках ее течет не только еврейская, но и русская (если верить тете Юле) кровь.

Однако никак все это не помешало ей выйти, когда время подошло, замуж. И поменяла она тогда свою мамину девичью фамилию на фамилию мужа, Тимченко была его фамилия. (У мужа, как у тети Юлиных детей, родители тоже были разных национальностей. Тимченко – это мама у мужа была, а у папы фамилия была другая.) Так что когда у Жени родились дети, то они были уже украинцы, и в их жилках текла не только еврейская, не только русская (если верить тете Юле) кровь, но и украинская тоже.

А что, разве брат Жени хотел ее обидеть, когда сказал, что она незаконнорожденная? Конечно нет. Может, он и ревновал свою маму к незнакомому человеку, занявшему в ее жизни место его папы, может быть. Может, он и к Жене маму ревновал (как ревнуют часто к младшеньким), тоже может быть. Но чтоб обидеть? Нет! Просто не придумали другого слова для обозначения таких детей. Не брат же его придумал. Незаконнорожденный! Выходит, не по закону рожденный! Это же надо! И по какому такому закону? Нет уж. Дети рождаются по законам, которые придуманы не людьми, а природой. Но об этом я так, исключительно чтобы выгородить брата.

Национальность, между прочим, – это тоже люди придумали. Из осторожности – чтобы нечаянно не принять чужого за своего. Но когда новый человек рождается, он же ничего, новорожденный, не может выбирать. Чем его наградили родители, с тем и приходится ему жить. И там жить, и так жить, где и как определят его родные. Пока не повзрослеет он настолько, что сам сможет выбирать себе дорогу. Так и Женя – жила с тем, чем наградили и чем не смогли ее наградить родители. И дети ее жили с тем, чем наградили их она сама и ее муж. И ничего в этом удивительного нет – все так живут.

Интересно – а думала ли Женя о своем отце? Думала ли она об отце с матерью, об их отношениях, оборванных войной? Оборванных, как и у многих других, навсегда? А если думала – то как? По отношению к себе – это можно представить: мама накормит, а папа, будь он рядом, подбросил бы до потолка. А их отношения?.. В отношениях родителей можно что-то понять, когда сами пройдем через отношения. Одно несомненно: их отношения – любовь. Любовь, которая случается в жизни не каждый день. Это

осознавала сама Женина мама, это понимала и Женина будущая бабушка. На глазах у которой вырвались эти самые отношения. И сложились в формулу из «Юноны» и «Авось»: «Я тебя никогда не увижу» (в свидетельстве о рождении, кстати, это хорошо бы записать в графу «Отец») и «Я тебя никогда не забуду» (а это – в графу «Мать», разве нет?). И неважно, что думала об этом Женя, и думала ли вообще. Ее отец оставлял ее матери надежное напоминание о себе. О котором не забыть. И она приняла его.

Но это я отвлекся. А вот пришел однажды день, когда пришлось Жене определяться, оставаться жить ей в родной Одессе или, может быть, нет. То было время, когда у многих граждан Советского Союза накопилась усталость от нескончаемого ожидания счастливого будущего. То было время, когда людям еврейской национальности, тем, кому нужно было воссоединиться со своими родственниками, – было разрешено выехать из страны. Разрешено и людям нееврейской национальности тоже, если они мужа и дети женщин-евреек. Женя была еврейкой, и этого было достаточно. И она, ее муж, дети и уже внуки оформили документы и в один, как говорится, прекрасный день выехали в Вену, переправочный пункт к новой жизни.

Их цель была – Берлин. Там уже были (своими путями) родственники мужа, с ними и планировалось соединиться, чтобы сообщество уже обживаться на новом месте.

В Вене пришлось задержаться: Германия принимала евреев-иммигрантов из Советского Союза по своим правилам. И время ожидания в прекрасной Вене было для Жени с мужем самым трудным. Если не сказать – ужасным. Без языка. Без прав и, тем более, льгот. Без больших денег. Без друзей. Платить за жилье. Питаться... Нашли какую-то работу. По-моему, бутылки не собирали. А может, собирали. Ждали разрешения на въезд.

И вот они уже в Германии, в той самой, кстати, откуда пришла война, в какую Женя родилась. Те, кто знал об их планах, говорили им еще в Одессе: «Куда вы рветесь? Это же Германия, та самая, как можно туда...». Но человеческая память...

Говорят: здесь и сейчас. Здесь и сейчас! Этим надо жить. Прошлое нет, оно уже ушло. Будущего еще нет, оно еще

не сформировалось. Мы живем здесь и сейчас... И память, словно в помощь такому лозунгу-призыву, услужливо стирает в прошлом все, что может помешать приходу еще не известного нам будущего...

Они в Берлине. Женя внимательно слушает немецкую речь, которую не понимает, но уже понимает, что у нее не все в порядке с документами. Да, всем известно, что здесь во всем любят порядок. Так кто ж его не любит? Спросите любую хозяйку – нравится ей, когда кто-то без нее похозяйничал на ее кухне? Еще как не нравится! А вот этой немецкой чиновнице что-то не нравится в ее документах. И переводчица доброжелательно и успокаивающе задает ей простые вопросы: ваша девичья фамилия Каневская? А почему не Кернер – ведь в Советском Союзе принято давать детям фамилию отца. Вашего отца звали Арнольдом, а ваше отчество Александровна. Вы не волнуйтесь, просто были случаи, когда к нам приезжали с поддельными документами. Наверное, мы должны будем направить запрос в город вашего рождения... Она пыталась объяснить, переводчица переспрашивала, чиновница куда-то уходила, возвращалась, задавала новый вопрос и снова уходила... А Женю, обычно уверенную в себе, обычно собранную в минуты опасности, а теперь беззащитную и растерянную, не покидала мысль: «Ты не такая, как все. Ты меченая. Ты незаконнорожденная».

Кончилось все благополучно – видимо, потому, что все остальные их бумаги никаких вопросов не вызывали. Кончилось все благополучно.

Это все было давно – у ее внуков уже родились дети. А одна внучка родила двойню – мальчика и девочку. Современная аппаратура позволяет следить за поведением плода (а в нашем случае – сразу двух). Современные порядки в немецкой медицине позволили мужу внучки (кстати, немцу, – вот вам и еще одна в жилочках кровь) присутствовать при родах. Девочка смуглая, в маму, а мальчик светловолосый, как отец.

И вот уже Женя, помолодевшая прабабушка, неспешно катит двухместную коляску под умильные улыбки знакомых и незнакомых встречаемых немцев. Двое деток, это же какое счастье! Двое

деток – это и много забот. Муж внучки, конечно, рядом с ней, но у него же работа. Правда, дистанционная, но время, время... И родители внучки с родителями ее мужа, а также примкнувшая к ним прабабушка, договорились по очереди приезжать к молодым – помогать. Сегодня – очередь Жени.

Они подружились, Женя и ее новые правнуки. Девочка смешливая и откровенно жизнерадостная, а мальчик сдержан в эмоциях. Тем не менее оба они встречают свою прабабушку с явным удовольствием. Но вот подросли малыши, их уже можно оставлять по одному или даже вдвоем то у одной бабушки, то у другой. И как-то не понадобилась помощь прабабушки Жени раз, второй раз, и не видела она своих любимцев целый месяц. А когда наконец приехала к ним, то... Мальчик встретил ее как обычно – сдержанно, но с улыбкой, подался навстречу ее рукам. Но девочка... Девочка повернула головку на ее голос и – отвернулась. Женя было с ней заговорила – та не реагирует никак. Она справилась у внучки о здоровье девочки – все хорошо, а что? Да ничего, хорошо – ну и слава богу...

День прошел привычно спокойно, деловито. И прабабушка, и ребята хорошо знали свои обязанности: вовремя поели, вовремя поспали, вовремя погуляли и поразговаривали. Вовремя и попрощались. С мальчиком – как обычно, с девочкой – холодно, как-то отчужденно. Женя была очень расстроена – ведь что-то случилось! Что? Им уже по восемь месяцев, они ведь не груднички несмышленные... И через неделю, когда снова подошел день ее патронажного визита, она чувствовала себя очень неуютно. Как школьница с невыученным уроком, которую сегодня обязательно вызовут к доске... Дорога была дальняя – на метро, потом еще автобусом, и всю эту неблизкую дорогу она волновалась: неужели девочка опять встретит ее не так, как всегда...

Но – какая радость! Заслышав ее голос, малышка, как и всегда раньше, взорвалась громким смехом, заерзала, потянулась к ней, и вот она уже у Жени на руках, и прильнула к ее лицу, и тычется носиком в ее щеку, и щека податливо принимает этот славный милый носик. «Ты меня забыла, да? Ты забудька?» – «Я не забудька. Да, я забыла. Но я же вспомнила! Я же вспомнила! Ты же видишь – я вспомнила!»

Да, да, она видит. Она не видит – она чувствует на своей щеке, на своем носу: девочка тычется мягеньким носиком, тычется вот уже и в губы. И она ловит носик поцелуем, и девочка смеется в голос, и пальчики ее снуют по лицу, невольно царапая его остренькими своими ноготочками. «Ты моя родная, – шепчет прабабушка, – ты моя милая. Ничего-ничего, я потерплю. Я же вижу, что я тебе тоже родная, я тебе милая. Царапка моя, я потерплю».

А я думаю – куда мы идем? К чему мы пришли, мы видим. К чему идут наши дети, мы знаем. Куда идут наши внуки, внуки, так непохожие на нас и даже на своих пап и мам? Внуки и правнуки? Куда придут они? Тоже к «детям войны»? Или слова «война» уже не будет? А слово «незаконнорожденный» – оно будет? Но слово «любовь» – оно же будет точно! Куда мы идем? Мы уже были новой общностью – советским народом. Кем будут наши потомки? Землянами? Куда мы идем? Интересно.

О! Дали свет! И я снова вызываю по скайпу младшую сестру моего давнего друга.

«Женечка, – говорю я, – у нас опять дали свет, а мы с тобой не попрощались. Что тебе пожелать? Счастье у тебя уже есть – и дети, и внуки, и правнуки. Тогда хорошего здоровья на долгие годы – тебе, – и дальше я заканчиваю уже по-украински: – і дітям, і дітям дітей, і онукам онуків, твоїх і наших. Так чи ні?» И она в тон мне отвечает: «Так, так».

